

Труба. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://bykovvasil.ru/> приятного чтения!

Труба. Василий Владимирович Быков

Черт бы ее подрал, такую дорогу, – колдобина на колдобине, грязь по колено, лужи, – и когда ее так размесили? Хотя было время – огромные “мазы”, трактора и трубопроводы в слякоть и дождь изуродуют любую дорогу, а не только этот заброшенный проселок. Жаль его им, что ли? Они свое дело сделают и смуются на другое место, а вы тут кувыркайтесь до зимы по этим колдобинам. А впрочем, Валере сегодня наплевать на дорогу, колдобины и на все поле разом, уж до дома он как-нибудь доберется. Правда, два раза уже падал, поскользнувшись, полы его плаща в грязи, ноги до колен тоже. Но он неплохо выпил сегодня в районной забегаловке “Рица”, Семен Рудак раскошелился, да и вся его, Валерия, выручка за бутылки осталась там же. Вот на буханку хлеба да на кило сухек только и сберег, чтобы вернуться не с пустыми руками. Теперь, хотя и припозднившись, он придет домой с хлебом, не надо будет завтра зябнуть в бабьей очереди у порога местной лавчонки в ожидании хлебовозки. Все-таки Валера интеллигент с высшим образованием, сельская элита. А что его дом в шести километрах от райцентра, так в том ли вина Валеры? Конечно, некоторым повезло больше и они устроились поудобнее, даже в самом местечке; у него же в местечке не получилось, приходится довольствоваться тем, что имеет. А имеет он должность завклубом некогда передового колхоза “Путь к коммунизму”, – скромная, правда, должность, но лучшей не нашлось, спасибо и за эту. Вот и бреди теперь из местечка домой вполне коммунистическим путем, пытался пьяновато иронизировать над собой Валера.

Как всегда под градусом, он чувствовал себя умным и смелым, иногда великодушным по отношению к другим и к себе тоже. Собственные пьяные промахи его мало уязвляли, он их помнил недолго. Конечно, из местечка можно было идти и большаком, но большаком было на два километра дальше, а он и без того задержался в районе, вот и спрямил путь на свою голову, побрел напрямик по трассе строящегося газопровода. Кто думал, что здесь так размесили газовики...

Пожалуй, однако, напрасно он о том не подумал прежде, не предусмотрел, каким может быть путь к коммунизму. Если не получилось у всей страны, вряд ли следовало ждать удачи для отдельно взятого гражданина, сельского культурника. Теперь вот купайся в грязи. Хорошо еще, что он выпивши, а будь трезвый, стало бы и вовсе тоскливо. Трезвые всегда слишком благоразумны, осторожны и трусливы. Валера же трусом себя не считал – ему ли пасовать перед этим болотом! Решив так, он уже не разбирал дороги и бодро шагал по лужам, благо его резиновые сапоги были еще новые. Хотя и в новых уже подозрительно хлюпало.

Не добрался он и до середины пути, как стало смеркаться, лужи превращались в непролазную топь, вдаль уже ничего не было видно. Держать направление помогали земляные хребты вдоль трассы, от которых на поле плыла рыхлая, хлюпкая грязь. Местами хребты прерывались – это там, где трасса закончена, труба уложена и траншея зарыта. Но так было не везде. На некоторых участках только недавно в траншею уложили трубы – широченные, изолированные в битум и бумагу, диаметром едва ли не в рост человека. В рост подростка – это уж точно. Недаром деревенские школьники, возвращаясь с занятий, а то и убегая с уроков, устраивали в трубах недетские забавы – дрались, курили, нюхали всякую дрянь. За местечком на прошлой неделе нашли тело какого-то жмурика, утопленного в траншее. Говорили, тоже детки постарались. Впрочем, может, и не детки вовсе...

К лугам Валера добрался уже впотьмах, почти выбиваясь из сил в этой бесконечной борьбе с бездорожьем. И вроде даже начал трезветь. Теперь он ясно сознавал, что лучше бы ему заночевать в местечке. Но у кого заночевать – вот в чем проблема. У Сеньки Рудака было бы сподручно во всех отношениях – добрый человек, и места в новой избе хватало. Но у Семена – злая жена, ненавидевшая всех мужиков-выпивох. У Каменецкого жена вроде бы и ничего баба, не крикливая, но в квартире повернуться негде – трое ребят, неизвестно, где сами спят. У милицейского землячка Пустового Валера и сам бы не остался, если б тот и пригласил. Таких, как Пустовой, следовало обминать за сто верст – пригласит, а потом еще сдаст в вытрезвитель – бывало и такое. Нет, в местечке он не остался правильно, вот только пошел не по той дороге. А вся страна идет правильно? Последнее соображение несколько утешило Валеру, который подумал, что, как в капле воды отражается океан, так и в его дурном выборе отразилась политика. Очень на то похоже. Так на что же тут нарекать?

Разве что на погоду.

Погода в самом деле сволочила с каждым часом все больше. Мало того что рано

Труба. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

стемнело, так еще пошел дождь – да такой напористый, с холодным ветром. Даже в плаще Валера скоро почувствовал, что промокает. По такой дороге недолго было подхватить простуду, а то и чего похлеще. Как его друг ветеринар Кругляков. Промок на рыбалке, под утро выпал снежок с морозцем, и схлопотал ветеринар чахотку. Спустя год похоронили – не помогли ни минские доктора, ни черноморские курорты. Хотя Кругляков и без того был хлипкий здоровьем, не пил. Валера же на здоровье пока не жаловался. Однако понимал, что все до поры до времени, может найтись и на него проруха. Особенно если не пить водку. А по нынешним временам с водкой становилось все хуже – подводили финансы. Зарплату платили нерегулярно, задерживали до полугода, порой не на что было купить хлеба, не только водки. Вот и теперь, хорошо что сдал в магазин собранные после дискотеки пустые бутылки, а то... Сегодня, однако, выпил, отвел душу. Теперь только бы добрести домой, где его ждали двое подростков и не очень ласковая жена, учительница Валентина Ивановна. Не очень ласковая, но своя. А что иногда критикует, так на то она и жена, чтобы критиковать. Отдел районной культуры? Там одни бабы, а начальник Кобзев Семен Игнатович сам не прочь поддаться, особенно на халяву. Так что, хотя для страны настали трудные времена, для выпивок – еще поглядеть. В чем-то даже и благодатные. Только бы больше денег.

Дождь к ночи, похоже, еще усилился, и Валера подумал, что надо где-то укрыться. Но где укроешься в поле? Правда, он вспомнил, что впереди пригорочек, к которому с двух сторон вели газотрассу. Там должен оставаться еще не сваренный стык. В совершенной слякотной темноте Валера добрался до пригорка и взобрался на вязкую земляную гору. Как он и предполагал, стык еще не сварили, конец одной трубы лежал в траншее, а задранный конец другой покоился на перемычке-бревне, брошенном через траншею. С сумкой в руке Валера храбро пробрался по бревну к трубе, ухватился за ее шершавые края и вскарабкался внутрь. Здесь было сухо, затишно, только сильно воняло битумом, но воняло Валера не боялся. Главное, не лило за ворот и то благо. Сначала на четвереньках, а затем немного привстав, он пробрался в гулкую глубь трубы и свалился задом на ее покату выгнутость.

Отдохну, дождь затихнет – пойду.

Сразу стало удивительно тихо и покойно, даже вроде уютно в металлическом чреве трубы. Он надышал себе на грудь под сползший на голову плащ и уснул. Снов еще не успел увидеть, как через какое-то время услышал тревожные голоса: показалось, кто-то лезет в трубу. Встретаться с кем бы то ни было у Валеры не было никакого желания. Полусонный он поднялся и, пригнувшись, полез по трубе – подальше от встревоживших его голосов. Потом свалился, сморенный усталостно-алкогольной дремой. Благостно вытянулся вдоль трубы и безмятежно-сладко уснул.

Сон увидел нестрашный, даже в чем-то приятный для души. Привиделось Валере, будто заседает бюро райкома и его, как было уже когда-то, исключают из партии. В общем, обычное дело, но райкомовские начальники слишком уж расположены к нему, не порицают, а лишь тепло, по-отечески улыбаются. Вроде он космонавт, только что вернувшийся из космоса на землю. Вот только чувствует он себя не как космонавт и не как эти райкомовцы, а как загнанный, озлобленный уголовник. Особенно ненавистен ему секретарь Степан Николаевич, который ведет бюро и которому Валера все порывается отвести пощечину. А тот вроде не понимает и даже не отстраняется от него. Но и Валера плохо владеет собой, хочет ударить и не может. Сведенная в судороге правая рука его не слушается, и Валера распяляется все больше. По-видимому, зря, так он представляет это себе во сне. Потому что, хотя его и исключают из КПСС, но по существу, для его же, Валеры, пользы, для блага партии и, следовательно, для всего советского народа. В таком случае стоит ли возмущаться и так дерзко вести себя. Хотя Валера вовсе не почитал славную партию большевиков, ее безмозглое руководство, но никак не жаждал быть исключенным. Для себя и для людей, может, честнее было бы самому из нее выйти, но и этого Валера не мог позволить себе – выход из партии, пожалуй, был равносителен самоубийству. Все-таки партбилет для него, как и для многих, – хлебная карточка, она и кормила. Странно, однако, казалось во сне, что его дружно исключили и столь же дружно потом поздравили – все по очереди, включая и Степана Николаевича, который на прощание обнял Валеру. Всегда надутое лицо партсекретаря при этом стало и вовсе бульдожьим, что, однако, никого не смущало.

Странное впечатление произвело на Валеру это исключение, сонные чувства его смешались. И смешались еще больше, когда он затем очутился на площади перед райкомом. Из пыльного переулочка к райкому хлынула овечья отара (и откуда она взялась?), прижала его к штакетнику райкомовского палисада; на его глазах овцы

Труба. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

стали превращаться в злобных разнопородных псов, готовых наброситься на него. Валера оглянулся, ища защиты у благорасположенных к нему райкомовцев, но те враз куда-то сгнули, и он остался один перед разъяренной псарней. Правда, беснование продолжалось недолго, собаки стали исчезать, будто растворяться в пространстве неширокой площади, остался один престарелый Бобик, несколько лет обитавший в колхозе при его клубе. Этот беззлобный ушастый пес с сожалением в слезливых глазах уставился на Валеру, будто вопрошая о чем-то. Может, просил есть? Скорее всего, именно так, как это он делал обычно возле клубного крыльца, когда по утрам дожидался хозяина. Но сейчас у Валеры не оказалось с собой ничего съестного, только тогда он вспомнил о сумке с хлебом и сушками и, озабоченный, сразу проснулся.

Сумку с гостинцами он нащупал под боком, но его смутили голоса – вроде недалекий мужской разговор. Валера не сразу понял, где он, а сообразив, удивился, озадаченный вопросом: сколько же он проспал? Голоса явственно доносились откуда-то поблизости, хотя разобрать, о чем шла речь, не удалось. Он подхватил сумку и живо подался по трубе в ту сторону, откуда ночью взобрался в нее. Хотя не представлял теперь, как далеко уполз от того места, помнил только, что уходил подальше от каких-то голосов в трубе. Все происходило по пьяни, конечно, и он не запомнил расстояния. Теперь пробрался довольно далеко, – иногда привставая, а больше на четвереньках, – но разрыва в трубе не находил. Голоса же снаружи стали глуше, временами пропадали вовсе, где-то слышались тархтенье трактора, хлопки глушителя. Поразмыслив, он решил, что спутал направление. Следовало двигаться в обратную сторону. Подосадовав на свою несообразительность, полез обратно.

Все-таки дурное это дело – пьянка, уже совершенно по-трезвому думалось Валере. Протрезвев, начинаешь все понимать по-иному, чем под градусом. Не сказать, лучше или хуже, но иначе. Кажется, вчера недалеко ушел от конца трубы, а вот сегодня нужного стыка найти не мог. Совсем заплутал, пьяная морда, подумал о себе Валера. Похоже, проспал ночь, а может, и день. То, что снаружи светло и работают трубоукладчики, было точно. Только где же к ним выход?

В неловкой, обезьяньей позе, с помощью рук Валера одолел добрый отрезок трубы, а вчерашнего стыка все не было, и это стало его пугать не на шутку. Или он так далеко забрался ночью, или теперь снова пошел не туда? Не в тот конец. Но тогда что же получалось? Похоже, спятил мужик, крыша поехала...

Недолго повременив, отдохнув от обезьяньего способа передвижения, он снова прошел вперед и остановился. Здесь голосов совсем не слышно было, сколько он ни прислушивался, замерев в темноте. Может, они там поговорили и уехали, предположил он. Так куда же все-таки пробираться – назад или вперед? И где они здесь, эти взад-вперед? Впервые Валера ощутил страх от одиночества и покинутости. Всерьез не мог еще допустить и мысли, что, пока он спал, его заварили в трубе. Сколько же это надо было проспать? Хотя газовики работали быстро, а от него можно ждать всего. На сон он с молодых лет мастак, особенно после выпивки. На военных сборах когда-то проспал день и две ночи в кустах за лагерем. В роте его обыскали, посчитали за дезертира. А он просто дрыхнул. Также после выпивки, конечно.

Но если теперь он действительно долго спал, то его дела могут быть плохи. Даже так статься, что очень и очень плохи.

А может, он просто пошел не в ту сторону и еще не дошел до того стыка.

С еще большей прытью он подался по трубе обратно. Пригибаясь, бежал, карабкался, то и дело опираясь руками о покатые стены трубы, казалось, бесконечно долго, стараясь наверстать по-глупому упущенное время. Часы на его руке продолжали исправно идти, было слышно их тихонькое тиканье, но какое показывали они время в абсолютной темноте, не различить. Стыка все не было. Перестали доноситься и голоса. Почувствовав, что обессиливает, Валера упал боком на выгиб трубы и затих.

Может, надо было кричать?

И он стал кричать, во все горло тянуть бессвязное “А-а-а-а”, которое, расходясь в оба конца трубы, слегка отдавалось дальним приглушенным эхом. Отзвука с поверхности, однако, не было никакого, и он смолк. Конечно, если траншею засыпали, никто его здесь не услышит. Никогда! Но что же получается тогда?..

Ерунда получается, завклубом Валерий Сорокин. Осиротеет твой клуб некогда передового колхоза-маяка "Путь к коммунизму", сиротами останутся хлопцы-двойняшки Коля и Дима. Может даже, для блезиру, погорюет жена – суровая женщина Валентина Ивановна. Все-таки не совсем уж никудышный был он человек, непутевый ее Валера. По крайней мере ему хотелось так думать. Еще поразмыслив, Валера решил, что надо все-таки попробовать докричаться в другом конце трубы, именно там, где он впервые услышал голоса. Но где был тот, нужный ему конец, определить он уже не мог. Кажется окончательно теряя ориентировку в этом подземелье, Валера заметался, запаниковал. А паника, как известно, – прямой путь черту в зубы.

Нет, надо взять себя в руки и не думать о худшем. Выбираться, думать о чем-нибудь постороннем. О том, например, какой сволочью оказался их колхозный ветеран, фронтовик, партизан и так далее Кузьма Зудилович. Тот, который и в будни и в праздники ходит по селу увешанный медалями во всю грудь своего замызганного кителя. Дурак он, Валера, еще пригласил его на выпивон в честь концерта приезжих из Минска артистов-юмористов, которым при расчете вместо уплаченных трехсот рублей в ведомости значилось четыреста. Так всегда поступали с артистами, потому что, кроме концерта, надо было позаботиться об угощении с участием и кое-кого из начальства, парторга например. (Как же без парторга.) Тогда он пригласил еще и Зудиловича, который выступал с приветствием от имени ветеранов, участников ВОВ. Тот, конечно, охотно закусил-выпил, а назавтра (кто бы мог подумать) стукнул в райком, а может, и в КГБ тоже. Несколько дней спустя приехала комиссия, стала копать. Ну и накопала завклубом на кругленькую сумму. Тут и началось, будто эта сотня рублей последняя в колхозе. Вон на коровник вбухали шестьсот тысяч, а тот и ныне стоит заброшенный, как памятник колхозной системе, не охраняется государством. Местечковые потиху растаскивают его на дачи.

Нет, зря он тогда спустил этому Зудиловичу, побоялся надеть шума, поднять руку на коммуниста. Сам к тому времени уже коммунистом не был, партбилет у него отобрали на заседании бюро райкома. Лишившись партбилета, он долгое время чувствовал себя весьма неуютно, порой даже сиротливо, особенно когда прежние его дружки-товарищи, они же собутельники, собирались в клубе на партийное собрание, а посторонних просили освободить помещение. Он и освобождал, частенько в единственном лице посторонний. Кто мог предвидеть тогда, что лет десять спустя большинство из этих людей побросают свои партбилеты за ненадобностью или запрячут подальше, на всякий случай. Он же был беззащитен перед ревизорами, парторг отвернулся от него, сделав вид, что не имеет никакого отношения к финансовым махинациям завклубом. С Валеры причитался громадный начет, и пришлось ему полгода без зарплаты сидеть. Хорошо Валентине платили в школе, и она кормила ребят. Валентина в любых условиях соблюдала кристальную честность коммунистки, получая за нее все, что можно было тогда получить: престижную должность, квартиру вне очереди, путевки в дома отдыха и даже в цековский санаторий в Ялте. Правильно сказано, однако, что за все надо платить, и Валентина старалась.

Когда молодой Валерий Сорокин работал в школе, его, как и всех учителей, называли по имени-отчеству – Валерием Павловичем. Став потом завклубом, он незаметно потерял отчество, превратясь просто в Валеру. Шли годы, подрастали дети, набиралась партийной дородности жена, а завклубом так и оставался Валерой. Для ровесников, для старших и даже для

молодых – нагловатых завсегдаеаев дискотеки. Впрочем, Валера не обижался, он уже знал, что не в имени счастье. Для него в этой жизни счастьем было не влипнуть в историю. Так вот же влип!

Черт возьми, неужто в самом деле ему отсюда не выбраться? Просто анекдот какой-то. И все по пьянке. А по пьянке чего только не происходит. Валере это более чем знакомо. Но знакомо на примере других, а когда пришлось самому, оказался полным балбесом. Не мог сообразить, в какую сторону двигаться. Все время казалось, то в ту, то в другую. Самый элементарный выбор – одного из двух – и тот оказался ему не по силам. Это для одного, отдельно взятого человека, а чего ждать от общества с его запутанной зависимостью причин и следствий, учено подумал Валера. Да еще такого сумбурного общества, как наше. Тут, чтобы разобраться, требуются мозги гения. А где его взять? Здесь даже Бог – не помощник, – бессилён. Видно, уж такая мы самобытная нация. Что ни сделаем, все не впрок. Все по-другому и во вред. Себе и другим.

Ну что, – снова надо кричать? Другого не остается. Да и устал Валера от этих дурацких метаний под землей в темной железной западне. Уперев подогнутые ноги в противоположный скат трубы, он принялся орать что-то несусветное, малосвязное. Однако это ему быстро надоело, потянуло хоть на какой-либо смысл в его спасительном крике жалобы и обиды.

– Эй, там, наверху! Тут засыпали! Замуровали в трубе! Слышите? Человек погибает! Вы погубите человека, люди вы или нет?!

Как ему казалось, кричал он вполне разумно и убедительно, но ответа с поверхности не последовало. И он, печально ухмыляясь в темноте, подумал: напрасно стараешься! Так они и кинутся тебе на выручку – пригонят бульдозеры, трактора, автоген, спецмашины, начнут копать, рушить сделанное, может даже и оплаченное. У них – государственной важности задача, интересы транснационального концерна, качающего для страны валюту, необходимую нищающей экономике, разорившего ее ВПК. Всем надо доллары, доллары, доллары, а тут какой-то неудачник, по пьянке вляпавшийся в происшествие завклубом Сорокин.

Значит, здесь ему и загибаться?

Значит, загибаться, если он это такое, ничего не значащее ничтожество. Хорошо, если скоро пустят газ и он не долго будет страдать, сразу отбросит копыта. А если станут медлить, тянуть с испытаниями, да еще торговаться с тарифами, – сколько тогда ему тут доходить? Сколько вообще может выдержать человек под землей без воды и пищи? Сколько он может обитать в космосе – мы знаем, этому обучают и тренируют особо отобранных героев-космонавтов. А вот под землей? Да в тесной железной трубе? Этого, наверно, не знает никто. Целые народы столетиями обходятся без хлеба и свободы и вроде пока не вымерли. Но где предел их живучести? Ни у кого нет ответа. Вот почему марксизм – навряд ли наука. Будь он наукой, его бы прежде, чем внедрять в массы, смоделировали на компьютерах или проверили на мышах. А эти сразу – без пробы на миллионах людей, вот ничего и не вышло, грустно размышлял терявший уже надежду Валера.

То, что из такой ненаучной затеи ничего путного выйти не может, Валера чувствовал едва ли не со студенческих лет. Было странно, однако, что этого не понимали другие – все эти доктора и академики, кандидаты и секретари, всю дорогу только и знавшие, что одобрять и поддерживать все, что идет сверху. Некоторые уповали на народ, который, мол, разберется, нутром почует, как надо. И народ разобрался, всякий раз голосуя на 99 процентов, тем и демонстрируя невиданную сплоченность блока коммунистов и беспартийных. И как результат, единственное средство добыть на бутылку – сдача пустой бутылки. Не сдашь, не на что купить ни хлеба, ни курева. Странно, но бутылки находились всегда, словно камни, которые росли из земли. Сколько их ни убирай, меньше на полях не становится. Так и бутылки.

– Эй, люди! Вы слышите? Подлые ваши души, что же вы делаете? Спасите, не то я взорву всю вашу трассу. Весь газопровод! У меня взрывчатка! – перешел на угрозы Валера. Так, ему показалось, будет доходчивее для онемевших газовиков, может, хоть угроза аварии примет их.

Но все было тщетно.

От крика запершило в горле, он закашлялся. Спичек или взрывчатки, конечно, у него не было, в свое время бросил курить. Это когда случился пожар в клубной кинобудке, сгорел замечательный советский кинофильм “Кавказская пленница” и едва не сгорел клуб. Если по правде, то загорелось во время выпивки от небрежно оброненного им окурка, но об этом никто не узнал. Присланная из района комиссия оказалась на высоте и, распив две поллитровки, подписала акт, что всему причиной – неисправная электропроводка. Пришлось менять в общем не старую еще проводку, ухлопав на это семь тысяч рублей. Но его тайный грех иногда тихонько саднил душу, особенно с похмелья. Все Валерины грехи с похмелья имели обыкновение обостряться, и тогда требовалось утихомирить уязвленную совесть – бежать за бутылкой. Что, в общем, понятно.

Засосало под ложечкой, и Валера вспомнил о своей брошенной где-то сумке. Может, стоило поискать ее, подкрепиться. Все-таки там хлеб, а хлебом кидаться негоже. Да и сколько ему торчать здесь, кто знает.

Неспешно шаря по дну трубы подсохшими от грязи сапогами, он прошел сотню метров и действительно наткнулся на сумку. От измятой зачерствевшей буханки отломал ладный кусок и сжевал его. Разумом Бог, может, и обидел его за несомненные прегрешения, но аппетита пока не лишил, и Валера даже подумал: кабы еще и бутылку. Или хоть чекушку, может, стало бы не так тоскливо, может, и скрасил бы завклубом свой нелепый конец. Но о чекушке пока не приходилось мечтать. Как и о многом другом, нелепо и безвозвратно для него утраченном.

Интересно, какая там сегодня погода, не в лад со своим горестным настроением поинтересовался Валера. Выглянуло солнце или все еще идет дождь? Если дождь, совсем зальет площадку перед входом в клуб, не пробраться будет к крыльцу. За лето он так и не собрался подвезти самосвал щебенки, засыпать лужу, чтобы, собираясь в клуб, не надо было надевать сапоги. Разгильдяй он, а не заведующий, покаянно размышлял о себе Валера.

Полбуханки он все-таки умял, обойдясь без чекушки, мог бы съесть и больше, но остановился. Еду следовало экономить, отсюда в лавку не сбегает даже с полной бутылкой сумкой. Сушки пока оставил. Если что – ребятам...

Если что... А если ничего? Скорее всего, именно ничего. Что еще он мог здесь предпринять? Разве снова кричать. И он опять завопил заметно осевшим голосом:

– Э-э-э-эй! Вы там, строители газопровода, капитализма или социализма – черт вас разберет! Вы слышите? Я не шучу, я действительно погибаю!..

Как и прежде, ответом ему была непроницаемая немая тишина. Скорее всего, наверху поблизости просто никого не было.

По тому, как его все настойчивее одолевала усталость, Валера понял, что, видимо, день переходил в ночь, клонило ко сну. Что ж, здесь, в трубе, время текло иначе, чем на поверхности, может, там давно уже ночь? Тем хуже – ночью он наверняка ни до кого не докричится. Но как тут угадать, когда ночь, а когда день?

Хорошо, что в общем было не холодно, провонявший битумом воздух в трубе неподвижен, иначе Валера живо бы почувствовал, откуда тянет. Но, похоже, ниоткуда не тянуло, похоже, трубу основательно замуровали, закупорили задвижками-заслонками. Может, в самом деле собираются испытать на герметичность? Не могут же они допустить, чтобы их драгоценный газ бесплатно уходил в атмосферу. Тогда ему уже точно крышка.

Что ж, он был готов ко всему.

Недолго посидев на дне трубы, Валера задремал и, похоже, наконец заснул. Особенных снов не увидел, приснилось что-то из детства – и мать. Всякий раз, когда он видел ее во сне, встревоженно просыпался, – мать была укором, его большой совестью. С этим горестным чувством он жил все последние годы, отчетливо сознавая свой грех, не в состоянии его замолить. Хотел и не мог. Валера был единственным сыном старенькой пенсионерки-учительницы, вся жизнь которой с молодых лет заключалась в нем, ее малоудачливом сыне, его судьбе. Из-за него она страдала и радовалась, больше, однако, страдала – радости он ей доставлял немного. Последние десять лет жила одна в селе за двадцать километров от его “Пути к коммунизму”, часто болела; иногда звонила по телефону, но домашнего телефона у него не было, а в клубе не всегда можно застать его в кабинете. Давно следовало забрать маму к себе, в свою семью, он чувствовал это непрестанно (хотя она никогда не просила его о том), может, со внуками ей было бы лучше. Но жена, Валентина Ивановна... За десять лет их совместной жизни Валера так и не решился заговорить с ней о матери, хотя та, может, и не отказала бы свекрови в приюте и хлебе. Но подкоркой Валера чувствовал, что ничем хорошим эта его затея не кончится, как хорошим не кончалась ни одна его затея в семье. Уж очень разные они были, эти две сельские учительницы – одна воспитанница местечкового педтехникума тридцатых годов и другая – выученица не столько столичного пединститута, сколько общественных и партийных органов, в которых ее угораздило перебивать. Так повелось, что вовсе не просвещение ребятшек стало увлечением жены, а, скорее, ревностное исполнение партийных ритуалов. Отработав половину дня в школе, Валентина Ивановна заседала – то на колхозном партбюро, то в какой-либо из многочисленных общественных комиссий, то на семинаре политагитаторов. В выходной обязательно отправлялась либо на предвыборное

Труба. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

совещание в райцентр, либо для подведения итогов соцсоревнования в соседний колхоз. Несколько раз в квартал уезжала на сессию областного совета, депутаткой которого состояла без малого пять лет. Валентина активно продолжала традицию сельской активистки давних годов и тем немало гордилась. Валера же оттого немало страдал, периодически и бесплодно возмущаясь, когда, придя поздно из клуба, не находил чего-либо поесть, не имел чистой сорочки к смотру клубной самодеятельности, когда вечером не на что было выпить и не у кого занять на бутылку. Кошелек жены давно уже для него под запретом. Но за годы он постепенно привык к своей незавидной участи раба коммунизма, как втайне называл себя.

Его же старенькая мама, выйдя на пенсию, перестала признавать советскую власть вообще, которую и до того ненавидела, особенно за безвременную гибель мужа в тридцатые годы, разговаривала с деревенцами по-белорусски и ходила по праздникам в католический костел за отсутствием в округе униатского. Валентина Ивановна только в прошлом году забросила свои измятые конспекты по научному атеизму, с которыми выступала в районе, и вслед за районным руководством на Пасху со свечой в руках направилась в отремонтированную церковь. “Нельзя отрывать от народа”, – объяснила она свою внезапную религиозность. Валера лишь криво усмехнулся, в церковь он не пошел. Во-первых, к тому времени стал беспартийным, а во-вторых, с него хватало и клуба с портретом сурово насупленного президента, который обязали его водрузить над сценой. Такие же портреты висели в каждом классе школы, о чем позаботилась член бюро райкома КПБ (или ПКБ) его Валентина Ивановна.

На трезвую голову нетрудно было понять, что по-настоящему Валера попал в западню не вчерашней ночью или на днях, и даже не в годы перестройки, а гораздо раньше. По молодости или недомыслию им был совершен поступок, который в то время мог даже показаться удачей, но со временем стал давить на него незримой чугунной плитой. Особенно в последние, перестроечные годы, когда гражданские пороки прошлого были названы своими именами. Не все, кого это касалось, прониклись раскаянием, но вряд ли кто и возгордился своим прошлым хотя бы из страха перед возможными последствиями. Некоторым перестала помогать и водка.

В канун отбытия на работу после окончания пединститута секретарша декана как-то позвала его в кабинет – заглянуть на минутку. Дело происходило вечером, он задержался в учебном корпусе по какой-то надобности и удивился неурочной встрече – думалось, декан давно уже должен быть дома. Слегка заинтригованный, зашел в приемную, оттуда в кабинет, где за чисто приборанным от бумажных завалов столом сидел вовсе не декан, а незнакомый молодой человек с высокими залысинами в светлых, аккуратно причесанных волосах. С радужным, прямо-таки сияющим от встречи лицом он пожал Валере руку и предложил сесть. Тут же поинтересовался, как Валерий Сорокин сдал госэкзамены, какие у него дальнейшие планы, доволен ли своим распределением. Валеру распределили к черту на куличики, удволетворения у молодого выпускника не было, что, наверно, и отразилось на его настороженном лице. Незнакомец все понял сразу и сердечно ему посочувствовал. А посочувствовав, вызвался помочь. Как можно было это сделать, Валера не понимал: студенческие списки уже утверждены и, может, разосланы по областям. Незнакомца же данное обстоятельство ничуть не смутило, он усмехнулся и сказал, что, если потребуется, все можно устроить. “Госкомиссия, конечно, власть, но есть власть и повыше. Надеюсь, вы понимаете, о какой я говорю власти?” – “Понимаю”, – выдал из себя Валера, пока еще мало что понимая. “От вас требуется помощь. Не очень большая, но важная для органов. Вы – согласны?” – незнакомец не отрывал глаз от лица смущенного выпускника. Кажется, только теперь тот стал соображать, в чем дело.

В случайных разговорах с людьми ему приходилось слышать о работе этих таинственных органов. Кое-что он уже читал в газетах и книгах. Но главное – вспомнил сейчас скупые рассказы матери об отце, – как его взяли неизвестно за что и он пропал, даже не подав вести о себе. Некоторое время Валера опасался последствий, но, видно, переживал напрасно. Его приняли в комсомол, он легко поступил в институт, никто никогда ему не напоминал о репрессированном отце. Да в институте мало кто и знал об этом факте его биографии. За четыре года учебы Валера привык чувствовать себя наравне со всеми, с органами ни разу ни в чем не сталкивался и в общем полагал, что их работа к нему не относится. Все его друзья в группе и на курсе были хорошие ребята сплошь трудового происхождения, никто не занимался ни спекуляцией, ни фарцовкой; в низкопоклонстве перед загнивающим Западом также никого невозможно было заподозрить. Хотя, как оказалось, теперь от него и не требовалось кого-либо подозревать или выслеживать. Просто надлежало дать в общем-то формальное согласие на сотрудничество, подписать соответствующее

Труба. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
обязательство и выбрать псевдоним. Любой, по своему усмотрению. Хоть “Толстой”, хоть “Пушкин”. Недолго поколебавшись, Валера подписал бумажку и, взглянув в окно на развесистые ветви клена, нерешительно предложил: “Кленов”. – “Ну и хорошо, пусть будет Кленов, так и запишем, – согласился незнакомец. – Теперь вы в нашем активе. Если что, мы с вами свяжемся”. – “А как же с распределением?” – хотел спросить Валера. Но его шеф будто позабыл, с чего начал разговор, и Валера не решился спросить. Может, действительно еще позовут и благополучно перераспределят.

Увы, больше не позвали и ничего не перераспределили. Моложавого человека с залысинами он никогда больше не видел, а к назначенному сроку уехал в школьную семилетку на краю болота, где и проработал четыре года. Там женился на разведенной, постарше его учительнице Валентине Ивановне. За пять лет, минувших после памятного разговора, у него не было ни одного контакта с кем-либо из органов, похоже, никакого интереса к нему у них не появилось. Но от других, более опытных людей он уже знал, что эта служба – не загс, развода никому не дает. Так что листки с его подписью и псевдонимом будут где-то лежать, украшенные грифом “Совершенно секретно” и “Хранить вечно”. Сознание своей причастности к делу столь огромной и устрашающей важности порой зимним холодом обдавало Валеру – и в минуты благодатные, и особенно в минуты трудные. Это не раз удерживало его от легкомысленных по молодости поступков, но и немало сковывало волю, подчиняя ее неведомой грозной силе. Разве только когда выпьет, расслабится и попытается излить душу в доверительном разговоре с собутыльником. Не забывая, однако, о пределах откровенности, то и дело гадая, кто перед тобой – какой-нибудь Кленов или Березин, а возможно, и Дубов. Сексотов повсюду хватало, как деревьев в лесу. К тому времени он уже знал силу этих людей и всегда имел это в виду. Когда его друга зоотехника Кириллина вроде ни за что сняли с работы, он сразу почувствовал, чьих это рук дело, и не вступился, не попытался помочь, хотя почти каждый день до этого они проводили на рыбалке и немало выпили водки. Но Валера сам ощутил опасность: мало ли что его словоохотливый друг мог сказать за бутылкой. Ему, например, он наговорил столько, что лет по пятнадцати хватало бы обоим.

Что же касается его давнего, почти забытого псевдонима, то о нем все-таки вспомнили.

Осенью в школу приехал новый учитель физики Лукашевич Павел Иванович, одинокий, странноватый немолодой человек, после занятий безвылазно сидевший в своей каморке. Каморка была частью квартиры соседки, акушерки Клавдии, с общей кухней, где до сих пор единолично хозяйничала акушерка. Холостяк Лукашевич за три месяца работы, наверно, ни разу не вышел из-за дощатой перегородки, и это обстоятельство, по всей видимости, показалось соседке подозрительным. Однажды, после какого-то совещания в районе, Валеру, в то время учителя белорусского языка, попросили задержаться и зайти в библиотеку, где его дождался некий Тип с квадратным подбородком и густыми, брежневскими бровями. Тип был старше Валеры, но как с равным завел с ним малозначащий разговор о ловле леща, в которой был знатоком, как определил Валера. Как бы между прочим, Тип поинтересовался, общается ли К л е н о в с новым учителем физики, и заметно насторожился в ожидании ответа. Валера сразу понял, ради чего его позвали сюда. Молча, про себя выругался: его отрывали от товарищей, которые в это время устраивали выпивон в ресторане. Подумав, однако, ответил, что с Лукашевичем не встречается и почти не знает его, что физик – человек замкнутый, в школе, кажется, ни с кем не сошелся. Выслушав это сообщение Валеры, Тип согнал с твердого лица расслабляющую улыбку и сказал, что Валерию Павловичу все-таки придется поближе сойтись с учителем, поговорить по душам. Можно даже покритиковать власть, лучше местную, на районном уровне. Очень это не понравилось Валере, и он напряженно соображал, как быть? Похоже, что гулянка в ресторане для него уже ляснула, этот скоро не отвяжется, и Валера занервничал. Он решительно объяснил, что Лукашевич свой предмет знает, обладает немалым педагогическим опытом. После этих слов Тип сделал продолжительную паузу, затем со строгой секретностью в голосе произнес: “Я не должен это сообщать, но для вас сделаю исключение. Разумеется, с условием абсолютной неразглашаемости. Дело в том, что ваш Лукашевич во время войны сотрудничал с оккупантами и на его руках – кровь советских патриотов”.

Услышав такое, Валера опешил: оказывается, вон что! Если Лукашевич пособник оккупантов, это меняет дело. У Валеры двоюродный брат погиб в сорок третьем, оккупанты уничтожили соседнюю деревню вместе с ее жителями, его земляками. Но тут возникали вопросы: почему же органы, зная о преступном прошлом Лукашевича,

Труба. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

так долго медлили с его арестом? Или не могли разоблачить? Примерно такое сомнение он и высказал. Тип, однако, предпочел не ответить и перешел к конкретному делу. Он сказал, что Сорокин все-таки должен наладить с Лукашевичем дружбу и при удобном случае завести разговор о Чехословакии. Узнать, как тот относится к вводу войск Варшавского договора в эту страну. Что по этому поводу думает? Конкретное задание несколько смутило Валеру, он подумал: сотрудничество с немцами и ввод наших войск в Чехословакию, – какая между ними может быть связь? Но, чтобы скорее отвязаться от этого Типа, промолчал, и они расстались. Условились встретиться через неделю.

В тот день, возвращаясь домой, Валера не переставал думать над неурочным заданием и в который раз приходил к мысли, что здесь что-то не так. Ясно, копали под старого учителя не за сотрудничество с немцами, которого, возможно, и не было, – их интересовало другое. Валера, конечно, выполнит задание, поговорит с Лукашевичем, но вряд ли они получат от него компромат на учителя. В памятное августовское утро Валера сам слушал по Би-би-си репортаж о вводе войск в Прагу и матерился, пока Валентина не отобрала у него “Спидолу”. В Чехословакии давили свободу, это было ясно. Правда, Валера только ругался. О своем отношении ничего никому не сказал. В школе об этом дружно молчали. Один только ветеран Зудилович ходил по деревне и, распаяясь, доказывал, что вот едва снова не проморгали, давно следовало ввести войска, как бы американцы не оттяпали у нас братскую Чехословакию, которую он освобождал.

В воскресенье, когда Лукашевич по обыкновению сидел в одиночестве в своей каморке, Валера постучал в дощатую дверь. Лежа на койке, учитель читал какую-то книгу и, заложив палец между страницами, нехотя поднялся навстречу. Валера бодро поздоровался и бегло заговорил о погоде, о скорой грибной поре. Но далее разговор почему-то не шел, Лукашевич словно что-то почувствовал. И Валера спросил напрямую, откуда учитель родом, где был в войну. Оказывается, родом он из Гомельской области, в войну попал в плен, бежал и партизанил в Словакии; инвалид с неизвлеченным осколком от немецкой гранаты в затылочной части головы. Как он относится к тому, что нынче происходит в Чехословакии? Да как к бесцеремонному подавлению чехословацкой демократии, – как же еще к этому может относиться честный человек? Лукашевич сказал без утайки и намеков, как о чем-то само собой разумеющемся, и Валере это понравилось. Он сам думал именно так, только никогда бы в том не признался даже Валентине. И Валера сразу подумал о Типе, встреча с которым предстояла через два дня: черта я вам об этом скажу. Я его вам не выдам.

И в самом деле, придя в знакомый библиотечный кабинет в райцентре, где его уже поджидал Тип, Валера, как тот и потребовал, набросал коротенький отчет о разговоре с Лукашевичем. Получилось полстранички текста с подписью Кленов. Тип прочитал и неожиданно пришел в ярость. “Вы что вздумали – морочить мне голову? Кого вы пытаетесь обмануть? Он разве так считает? Вот как он сказал...” – и Тип по другой бумажке, вынутой из его папки, прочитал настоящие слова Лукашевича. Валера был растерян. Разве он слышал их разговор? Ведь там было их двое. Или где-то находился третий?

Валере его неуклюжая попытка обмануть всевидящие органы обошлась дорого. Месяц спустя Лукашевича забрали из районного отдела милиции, куда вызвали будто бы по поводу прописки. А еще через месяц Валеру Сорокина на бюро райкома исключили из партии с лаконично-загадочной формулировкой “за перерождение” и тут же уволили из школы. Долгое время он слонялся по селу без работы, пока председатель колхоза не взял его на должность завклубом – вместо молодой работницы, ушедшей в декретный отпуск. Он был благодарен председателю, бывшему партийному секретарю, в трудный час брошенному из райкома на подъем сельского хозяйства. В общем, он поднял колхоз, колхозники его даже полюбили. Но вот в минуту откровенности, когда с председателем была выпита не одна бутылка “Столичной” и Валера принялся пьяно и неловко благодарить председателя за его доброту, тот вдруг сказал: “Думаешь, это я ради тебя? Да кто ты такой! Только для пользы дела. Подмоченные всегда лучше работают. По себе знаю”. И засмеялся.

Валера смолчал, все верно. Он, значит, подмоченный. Но кто его подмочил? Уж не сам ли себя. Хотя, может, и сам, кто знает...

Было время (особенно в начале учительской карьеры), когда Валера честно старался соответствовать идеальному образу коммуниста, что, в общем, было несложно. Надо лишь скромно себя вести, больше помалкивать. Это он и делал, хотя иногда

Труба. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

подмывало высказаться, возмутиться. Особенно если случалось под градусом. Но скоро понял, что все это опасно. Редко выступал на собраниях, больше сидел и слушал, тем более что активных “выступак” всегда хватало и всегда поджимал регламент. Никогда не выступал против начальства, а на явные безобразия привык закрывать глаза и затыкать уши. Даже дома, в семье, в отношениях с женой, тем более такой, как его Валентина.

Во время недавних президентских выборов, когда районная номенклатура бросила настойчивый призыв: все за Лукашенку, его Валентина Ивановна по обыкновению вошла в состав избирательной комиссии и на неделю переселилась в райцентр, где непрерывно заседала комиссия. Просидев с ребятишками три дня без хлеба и без денег, он отправился в избирком поговорить с женой насчет десятки на хлеб. В избиркоме продолжали лихорадочно колдовать над результатами выборов, в помещение никого не впускали, он вызвал Валентину в коридор, и там, на подоконнике, она торопливо раскрыла свою хозяйственную сумку. Среди прочих бумаг и разных мелочей он сразу увидел объемистую пачку каких-то бюллетеней и удивился – что это? “Не твое дело!” – испугалась жена, ударив его по руке. Ну, все ясно, понял Валера и потом по дороге в магазин мучительно думал: что делать? Стоило людям тащиться по грязи в местечко, голосовать, выбирая из пятерых одного, если эти в закрытой, охраняемой милицией комнате делают какой им угодный выбор. И кому пожалуешься, если члены избиркома строго подобраны райкомом с участием КГБ и несомненно действуют по их закону. Значит, молчать, делать вид, что все идет правильно, демократично. Иначе потеряешь и эту жалкую должность завклубом, особенно если придет к власти их избранник.

Впрочем, так оно и получилось. Они далеко глядели, эти районные заправилы, и не ошиблись; вместе с ними не ошиблась и его Валентина Ивановна. Интересно, что она думает теперь об его, Валеры, исчезновении? Обычно в таких случаях, когда он задерживался и дети спрашивали, где отец, отвечала с брезгливой улыбкой: “Придет, никуда не денется”. Завидная уверенность! В нем и во всем прочем.

Но что же, так и сидеть в этой железной норе и погибать в полной покорности нелепой судьбе, думал Валера. Положение его, конечно, аховое, но в глубине сознания все-таки теплилась маленькая надежда. На авось или, может, на чудо. Когда другого не находилось, обычно полагались на чудо, так было всегда – в жизни и в истории. Чудо, конечно, выручало редко, больше подводило, особенно атеистов-большевиков, которые теперь так дружно стали взывать к христианскому чуду. Авось выручит! Чем дальше, тем усерднее коммунисты молились или делали вид, что молятся. Эти всегда были великими притворщиками. Валере же сейчас притворяться нет нужды, не перед кем, кажется, он предстал перед грозным ликом ее величества г и б е л и. Понимал, что никакие молитвы ему не помогут, надо выбираться самому. Он поднялся и на карачках, пригнувшись, полез по трубе – безразлично, в какую сторону, лишь бы не сидеть на месте.

В этот раз он полз по-собачьи долго, пока совсем не иссякли силы. И все без результата. Ни стыка, ни люка, ни какого-нибудь голоса снаружи – нигде ничего. Вполне возможно, думал Валера, что они заварили последний на том участке стык и поехали на новое место. На новую базу. Но где она могла размещаться, их новая база? И угораздило его влезть в эту западню! Испугался дождя. Да хоть бы промок до костей, схватил простуду, грипп или еще что, – может, в конце концов как-нибудь выкарабкался бы. А вот как выкарабкаться отсюда? Выход наверняка заварили, засыпали и заровняли.

Как же ему теперь быть? По-видимому, никак. Он уже не жилец на свете, он переселенец под землю. Оказывается, по пьянке возможно и такое. Непредвиденное даже для самого изощренного пьяного ума.

Долго лежал на дне трубы, отдыхал, потом подтянул ближе сумку и доел хлеб. Сушки рассовал по карманам, чтобы выбросить сумку, которая ему больше не понадобится. Свободным рукам будет легче. Хоть бы знать, сколько он прошел под землей, – при таком способе передвижения сделать это непросто. Все-таки идти было трудно, неловко, сильно согнувшись, на четвереньках. А может, уже и не стоило никуда идти, размышлял Валера. Лечь и умереть. Это было бы проще, стало быть, и разумнее.

Но неужели они там не беспокоятся его отсутствием, не поднимут тревогу? Не догадаются, куда он делся. Хотя бы Семен Рудак. Он был последним, кто в местечке возле забегаловки виделся с Валерой. Еще долго прощались – не могли проститься.

Труба. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru

Хотя Семен что – у Семена своих забот полон рот. Недавно открыл торговый киоск с разной мелочью – “сникерсами”, галантереей и его обчистили ночью. Теперь бегаешь в милицию, ищешь взломщиков. Милиция так и сказала: ищи сам, найдешь – доложишь, примем меры. Не найдешь – оштрафуем за ненадлежащую безопасность заповоротов. Вот такие порядки. Могла бы всполошить начальство Валентина, но от этой дождешься! Еще порадует, что пропал с глаз долой. “Придет, никуда не денется”, – ответит ребятам, если те беспокоятся долгим отсутствием родителя. А может, не беспокоятся и дети. Выросли, очерствели, не то что были малые. Теперь целиком под материнско-педагогической опекой. И дети, и муж. Был. Да весь вышел...

Но все-таки надо ползти. Куда? Кто его знает куда. Вперед. Прежде сказали бы: вперед, к коммунизму! А теперь, похоже, вперед к капитализму. Но к капитализму – президент против. Куда идти, известно лишь ему одному. Но это его президентский секрет. Скорее всего, однако, тоже не знает, лишь делает вид знающего. Вид он делать умеет. Какой угодно. Артист великолепный, всех убеждает. Только жизнь оттого не становится лучше. Теперь и вовсе зашла в тупик. А вот коммунисты, похоже, знают. Для них вперед – значит назад. Тут у самого умного голова пойдет кругом, крыша поедет. Как у него здесь, в трубе. Если бы он знал, где перед, а где зад, где выход – спереди или сзади. Он считал – впереди. А может так статься, что именно сзади и он удаляется от своего выхода. И от своего спасения.

Хотя он теперь полз, пробирался только в одном, наугад избранном направлении, никакой уверенности в том направлении у него не было. Временами накатывало сомнение: а может, повернуть назад? Сколько же можно? Столько ползти и без результата.

Неожиданно обнаружил, что трасса пошла вниз. Ползти по трубе стало легче – под небольшой, плавный уклон. И он стал вспоминать знакомую местность, где такой уклон мог оказаться. Возможно, возле Ольховки. Но там склон не с этой стороны, похоже, с обратной; трасса трубопровода пройти туда не могла. Или он уже миновал Ольховку? Или не достиг ее?

Пока он так размышлял, упрямо продираясь вперед по шершавому дну трубы, та незаметно изменила угол наклона, полого пошла вверх. Двигаться стало труднее. Все-таки это собачье движение было противоестественным для человека, отбирало слишком много сил. Валера все чаще останавливался, замерев на боку, привалившись к вогнутости трубы. Он даже вспотел под мокрым плащом. Стащил его с плеч и отбросил, так стало сподручнее. Сушки, похоже, он растерял из карманов, оставшиеся сжевал во время своих продолжительных остановок, подкрепляя силы. Но стала все настойчивее донимать жажда. Воды ему здесь, разумеется, не добыть, он и не надеялся на это. Вода могла появиться вместе с освобождением из подземного плена, – он понимал это и печалился еще больше. Зачем он напился тогда с Рудаком? Зачем пил вообще? Лучше бы жил трезвым, расчетливым, прижимистым мужичком, хоть и заведующим клубом. Наверное, не загнулся бы до поры, прожил дольше. Как их коммунист-праведник Кузьма Зудилович, дотянувший до семидесяти семи лет. Но что это была бы за жизнь – вот в чем вопрос. В такой, как его, жизни только и радости что – выпить. Да и цель тоже. Плохо, когда у человека только одна цель, наверное, у общества тоже. Даже если эта цель – построение бесклассового коммунистического общества, все равно плохо. Цель может оказаться фальшивой. Или недостижимой. И тогда – крах! Как вот теперь. И нет виноватых – виновата идея. Или, как говорят, идея правильная, а вот ее воплощение... Но хороша же идея, если ее нельзя воплотить. И годится она лишь для библиотечных фондов и защиты диссертаций. Все-таки люди разные и человек – не телеграфный столб. Человек больше похож на дерево – кудрявый в делах и мыслях. Хотя и деревья бывают разные – разных пород, с различными судьбами. Самая неудачная судьба, наверно, у дерева при дороге. Как у старой березы на Курмаковской развилке. И сучья обломаны, и кора поободрана. И срамные слова вырезаны ножом по комлю. Кто ни идет, всякий норовит оставить свой след на березе. Вот такая судьба при дороге. При пороге тоже. Как у Белоруссии. Угораздило же ее оказаться при самом пороге между Востоком и Западом. Нет, лучше всего жить в углу. В своем, Богом определенном углу, где вешают иконы. Где только у нас этот угол?

На длинный подъем в трубе он взобрался почти уже без сил, так его донял этот собачий путь. Но здесь стало легче, труба пошла ровнее, и он остановился. Видно, насквозь пропотела сорочка, пот заливал лицо. Нестерпимо хотелось пить. И он, может, впервые почувствовал, что не протянет так долго. Здесь и очокурится. Без помощи и надежды. Это действительно страшно, когда иссякает надежда. Хотя в жизни он себя не очень пестовал надеждой, но все же. Приятно успокаивало, когда

Труба. Василий Владимирович Быков bykovvasil.ru
другие вокруг надеялись. На выполнение невыполняемого плана. На лучшее финансирование в следующем квартале. На скорое выздоровление ракового больного или снижение цен. Черта с два они снижались – продолжали расти, но люди надеялись. Хорошая штука – надежда. А главное – ничего не стоит. Надежда всегда достается бесплатно и в любом количестве. Только не ленись, надейся. Вот и донадеялись. Теперь и от него уходили остатки его слабой надежды, он явственно ощутил себя сиротой. Обреченным сиротой надежды.

– Эй, люди! – вдруг сам не зная зачем, вскричал Валера. – Люди-и-и-и! Здесь человек! Или вам наплевать? Пощадите человека! Я не хочу в трубу...

Ну зачем он делает это, вопит под землей? Кто его услышит? Пожалуй, никто, а кричать все равно подмывает. Даже заведомо оставаясь не услышанным. Потому как слишком долго молчал. Боялся. Всего боялся. Даже самого себя. Теперь ему уже не страшно. Теперь он освобождался от всего. И от страха тоже.

–Эй, вы! Могучий КГБ, что молчишь? Или теперь Кленов вам без нужды? Испугались разглашения! И разглашу все к чертовой матери! Довольно морочить головы, пугать народ! Запугали – аж сами испугались! То-то! Чекистский меч – он обоюдоострый! Не спасет и секретность... Только бы мне выбраться отсюда! – кричал он и вдруг подумал: ну вот и ляпнул, теперь хода назад не будет. Даже если выберется отсюда. Ну и черт с ним! Все одно пропадать...

От перенапряжения Валера закашлялся и долго откашливался. Понимал, что исторгнутый из души вопль вряд ли приблизит спасение. Как бы не наоборот. Но собственная отвага воодушевляла. Высказался, и стало легче. Как иногда на собрании. Но в те годы что бы он мог сказать на собрании? Лучше было молчать. А когда стало можно сказать, некому стало слушать. Потому что каждый мог сказать то же самое. Начальство оглохло и потеряло дар речи. Правда, остались ветераны, но эти больше писали. Писали в КГБ и президенту. Об измене делу рабочего класса, об отходе от генеральной линии, определенной на их бесчисленных съездах. Или об искажении на местах политики президента, на которого они молились. В церквях и вечером возле телевизоров. У телевизоров молились больше, так как телевизорами обеспечены поголовно, а церковью не хватало. Разрушенные ими в молодые годы церкви не все были восстановлены – не хватало средств. Воинствующие безбожники дружно превратились в воинствующих верующих. Плохо стало тем, кто не хотел ходить в церковь или пошел в соседнюю. Католическую, например.

– Эй вы! Долго будете хватать за ноги молодых? Дайте им жить! Социализм ваш сдох, а вы и не заметили? От него вонь по свету. Не закопаете – начнется чума!

Вот высказался, как на митинге в городе. А что дальше? Ждешь аплодисментов, дурак! Дойдет до Зудиловича, он на тебя напишет. Отряд омона вытащит тебя из трубы, тогда запоешь иначе. И пусть вытаскивает, вдруг подумал Валера. Может, хуже не будет. Не вытащит – тоже неплохо, останусь безнаказанным, почти свободным. В трубе – свобода! Вот дожил – два варианта и каждый не хуже предыдущего. Свобода!

– Свобода! – вскричал он. – Сорокин свободен! А Кленов? А Кленов тоже!

Это вырвалось у него неожиданно, за отсутствием разумных аргументов, наверно, гонимые и эмоциональные. Если человек не может делом доказать, выходом для него становится слово. Наверно, слово – последний аргумент свободы. Дайте человеку слово! – хотелось крикнуть Валере, но он подумал, что это было бы уже чересчур.

Вот если бы только попить...

– Скоты вы, подлецы! И вертикальщики, и сексоты! И ты, Валька – сука! И твой муж – тоже! Постой, кто это? Вроде знакомая мне личность... Все равно подлец...

Похоже, он начал сходить с ума, или это ему казалось. Все вокруг плыло и кружилось, словно он выпил пол-литра водки. Ему стало хорошо в трубе, покойно и... независимо. И появилась мысль никуда больше не идти. Не лезть, не ползти, не цепляться за жизнь. Что ему в жизни – дразги и неволя. Здесь же покой и свобода. Здесь он сам за себя и никого – против него. Может смело обругать любого или молчать. Плюнуть на клубный ремонт и придирки Валентины. Не надо выискивать по утрам бутылки после дискотеки. Впервые в жизни Валера обрел свободу решений и стал с ней отважным.

Скверно было лишь то, что за это надлежало платить собственной жизнью, которая у него одна. А на одну, наверно, много не купишь. Даже на одну стоящую, а не такую непутевую, какой была жизнь Валеры Сорокина.

Он и в самом деле никуда не полез больше, остался лежать в трубе, пока не впал в полудрему или прострацию. Утомленным сознанием его все больше стали овладевать странные, бессвязные видения – собачья голова на большом Валентином блюде, на котором обычно винегрет для семьи. Потом привиделась какая-то рыба в кузове грязного самосвала – мелкая живая рыбешка, за которой выстраивалась суетливая женская очередь. Валера вроде нигде там не присутствовал, но все замечал, как бы наблюдая со стороны. Или сверху. Потом еще что-то виделось путаное и странное, как на картинах многих современных художников. Всего много, все странное, и ничего не понять. Пляска абсурда, сон разума. Может, Валера и спал, но не ощущал этого. Определенно было лишь то, что он пока жив, жизнь в нем продолжалась, хотя и в каком-то извращенном виде.

В конце он ощутил себя где-то под хрустальными сводами величественного дворца, полного людей, света и доброты. Приветливые, ждущие лица обращены к подиуму, где собирался держать речь Валера. Рядом стояли другие люди, вроде какое-то руководство и среди них – Позняк, знакомый ему лишь по газетным снимкам. Все ждали слова Валеры, и Валера ждал тоже. Но что он должен сказать, не знал сам. Заветное слово должно явиться откуда-то свыше, он напряженно ждет его, чтобы произнести в этом зале громовым голосом, и тогда произойдет что-то. Что-то невероятно важное и счастливое. Но слово задерживается, и это доставляет Валере волнение. Он уже почти знает это заветное слово, но что-то мешает ему произнести его. Валера нервничает, медлит. Приходит тревожное сознание того, что он умер. И ничего уже не скажет. Перед ним на подиум вступает Позняк, начинает речь. Валера как-то странно отплывает назад, в сторону, сжимается и растворяется в пространстве...

Валерия Сорокина обнаружили в трубе на восьмой день его заточения. Он не дополз до газокомпрессорной станции каких-нибудь двести метров и был услышан монтажниками, которые по мобильному телефону связались с техслужбой и та вызвала милицию. Двое милиционеров извлекли Валеру из трубы. Он был еще жив, но до реанимации не дотянул.

Похороны завклубом колхоза “Путь к коммунизму” финансировал “Газпром”, это были приличные похороны. Вдова Валентина Ивановна на кладбище не поехала, так как завклубом был исключен из КПСС, и ей не рекомендовали афишировать свое участие в его проводах.

Валера об этом уже не узнал.

Апрель 1998 г.

г. Висбю.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://bykovvasil.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!